

УДК 821.512.37

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-264-277

Баллада в калмыцкой поэзии XX в. (Ц. Леджинов, С. Байдыев)

*Римма Михайловна Ханинова*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
E-mail: khaninova@bk.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Ханинова Р. М., 2020

Аннотация. В статье рассмотрены баллады калмыцких поэтов Церена Леджинова «Бальчгин туск баллад» («Баллада о грязи», 1941) и Санжары Байдыева «Башмгудин туск баллад» («Баллада о башмаках», 1967). Анализ двух баллад в оригинале показал, что стихотворение Ц. Леджинова ни по содержанию, ни по форме не отвечает заявленному жанру, стихотворение С. Байдыева является одной из интересных баллад в калмыцкой поэзии прошлого столетия, экспериментальное в сюжетном и персонажном плане. Сопоставлен оригинальный текст С. Байдыева с его русским переводом «Ботинки», выполненным Д. Долинским и В. Стрелковым, в аспекте смыслового контекста и жанрового своеобразия, выявлена деформация переводчиками авторского замысла и воплощения.

Ключевые слова: баллада, калмыцкая поэзия, поэтика, фантастический элемент, русский перевод

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (регистрационный номер АААА-А19-119011490036-1). Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Ханинова Р. М. Баллада в калмыцкой поэзии XX в. (Ц. Леджинов, С. Байдыев) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 3. С. 264–277. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-264-277

UDC 821.512.37

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-264-277

A Ballad in the Kalmyk Poetry of the Twentieth Century (Ts. Ledzhinov, S. Baydyev)

*Rimma M. Khaninova*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate

E-mail: khaninova@bk.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Khaninova R. M., 2020

Abstract. The article discusses ballads of the Kalmyk poets Tseren Ledzhinov “Бальчгин туск баллад” (“A Ballad about the Mud”, 1941) and Sanzhar Baidyev «Башмгудин туск баллад» (“A Ballad about Boots”, 1967). The analysis of the two ballads in the original showed that neither the content nor the form of Ledzhinov’s poem fits the announced genre. The poem by Baidyev, on the other hand, is one of the interesting ballads of the Kalmyk poetry of the past century, it is experimental in terms of the plot and the characters. The original text of S. Badyev’s work is compared to its Russian translation “Boots” translated by D. Dolinsky and V. Strelkov. The comparison revealed that the author’s conception and manifestation were altered by the translators in the aspect of semantic context and genre identity.

Keywords: ballad, Kalmyk poetry, poetics, fantastic element, Russian translation

Acknowledgement. The study was made within the scope of the State grant — the project “Oral and written heritage of the Mongol people of Russia, Mongolia and China: trans-border traditions and interaction” (state registration number AAAA-A19-119011490036-1). The article was presented at the

international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Khaninova R. M. A Ballad in the Kalmyk Poetry of the Twentieth Century (Ts. Ledzhinov, S. Baydyev). In: *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 3. Pp. 264–277. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-264-277

Жанр баллады в калмыцкой поэзии XX в. не был объектом и предметом в литературоведении за исключением наших статей последних лет на примере стихотворений Гари Даваева, Басанга Дорджиева, Лиджи Инджиева, Морхаджи Нармаева, Михаила Хонинова, Давида Кугультинова [Ханинова 2015; Ханинова 2019a; Ханинова 2019b]. Не самый распространенный в прошлом столетии жанр не востребован и сегодня.

Как выяснилось, доминирующей для калмыцких авторов стала баллада героического, политического типа с 1930-х гг., в годы Великой Отечественной войны, а также после возвращения из ссылки в конце 1950-х гг.

Калмыцкая баллада имела в творчестве того или иного поэта либо локальный характер (например, разовое обращение Г. Даваева, Ц. Леджинова, С. Байдыева), либо постоянный (например, у М. Нармаева, М. Хонинова).

Если в основном авторы сами обозначали избранный ими жанр баллады, то, скажем, три стихотворения Д. Кугультинова атрибутированы в этом отношении только русскими переводчиками (М. Дудин, Ю. Нейман) [Ханинова 2019b], поэма Эрдни Эльдышева «Маринеско» [Эльдшэ Э. 2007] при русском переводе Л. Петровой значительно сокращена и трансформирована в балладу [Эльдшев 2006].

Поскольку для национального фольклора и национальной литературы этот жанр не характерен, калмыцкая баллада испытала на себе влияние русской и советской баллады, прежде всего в военной тематике.

Баллада советского периода тесно связана с эпохой, с героикой времени, историческими событиями и современностью. Иногда это воздействие вступало в противоречие с заявленным жанром произведения, как в случае со стихотворением Церена Леджинова (1910–1942) «Бальчгин туск баллад» («Баллада о грязи», 1941). Тематика произведения определена строительством новой жизни в степном краю, в столице Калмыкии — Элисте. До 1928 г. органы ее власти находились в Астрахани. Создание столицы имело длительный период, связанный с планированием, финансированием, строительством. В небольшом городе одной из главных задач стало благоустройство его дорог. Поэтому и название стихотворения актуализирует проблему городской грязи на его улицах, в том числе в колхозах. Текст структурирован короткими строками (1–2 слова), частично в виде «лесенки», заимствованной из русского стихосложения.

ЗФК (заголовочно-финальный комплекс) произведения включает заглавие, в котором указан жанр («Баллада о грязи»), место и время написания (Элиста, 1941 г., февраль). Стихотворение до сих пор не было объектом и предметом анализа, немногие исследователи, обратившиеся к жизни и творчеству писателя, даже не упоминали эту балладу [Бадмин А. 1990]. Не переведена она и на русский язык. Большой объем текста (142 строки) обусловлен его построением, в котором первые 14 строк имеют стихотворную строку, состоящую из одного слова, последующие строки включают по два слова и, наконец, — по три слова.

Слово *бальчг* означает 'слякоть, грязь' [КРС 1977: 80], слово *бузр* — синоним грязи, в переносном значении — 'мерзость, гадость' [КРС 1977: 116]. Варьируя эти слова-синонимы (*бальчг*, *бузр*), поэт создает масштабную картину предстоящей работы по очистке и благоустройству родного города. Он эмоционален в передаче своих чувств: *Бальчг, / Бузр — Бигшнэ. / Балһсна / Хотн / Булһна* [Леежнэ Ц. 1990: 123]. Смысловый перевод: 'Слякоть, грязь собираются в кучи. Столица [в грязи] утопает'. Для автора грязь — предводительница болезни, наносящей ущерб: *Бальчг, / Бузр — / Гемин / Көтлвр. // Бальчг, / Бузр — / Гаруһин / Көтлвр* [Леежнэ Ц.

1990: 123]. С помощью гиперболы он приходит к выводу, что грязь в городе по пояс: *Белкүсцә / Бальчг / Элстд* [Леежнә Ц. 1990: 123]. В этой грязи не могут проехать машины, шоферы только качают головами в бессилии. Надо бороться с грязью, которую не видит ни городской Совет, ни колхозы, где грязь достает уже до шеи пешехода. Власти надеются на то, что земля подсохнет, ждут, когда солнце выйдет; они уживаются с грязью, стали с ней почти родственниками — возмущен поэт. Поэтому он призывает: *Хату / чолу / девсий! // Хотл / балһсан / кеерулий!* [Леежнә Ц. 1990: 126]. В смысловом переводе: 'Крепкий камень положим! Столицу украсим!'. Только тогда Элиста будет возвышаться, станет подобной драгоценному камню. Избавиться от грязи — дело города.

В конце стихотворения поэт обращается с призывом уже к горожанам: *Бостн! // Бийсэн белдтн! // Бальчгур дә босхий! // Балһсан сәэхн кей!* [Леежнә Ц. 1990: 126]. Смысловый перевод: «Поднимайтесь! Приготовьтесь! Объявим войну грязи! Сделаем столицу краше!». Он перечисляет для этого орудия труда — лопаты, метлы. И подытоживает: *Цевр, / сәэхнәр / балһсан // Цуһар / бәрхәр / ноолдый!* [Леежнә Ц. 1990: 126]. В смысловом переводе: 'Если хотите, чтобы город стал чище, красивей, давайте все бороться!'. Текст структурирован глагольными формами повелительного наклонения, призывами-лозунгами, гиперболами, сравнениями, метафорами, междометиями (тьфу, чиш). Поэт использовал разные виды анафоры — сплошную (*Бальчг, / Бузр — / Бигшинә*), парную (*Автобазин / машин / Алс цокад / унжә*), перекрестную (*Седн / Колхознь / Серәдчн уга*), аллитерацию. Сатира на городское и колхозное руководство соседствует с обращением автора к горожанам — помочь в борьбе с грязью, антисанитарией, убытками.

Вероятно, можно говорить о влиянии на Ц. Леджинова стихотворений В. Маяковского на близкие темы. Например: «Я знаю — / город / будет, // я знаю — / саду / цвествь, // когда / такие люди // в стране / в советской / есть!» [Маяковский 1987: 611]. Вслед за русским поэтом-трибуном он тоже мог бы сказать: «Я, / душу не снизив, / кричу о вещах, // обязательных / при социализме» [Ма-

яковский 1987: 615]. Грязь в стихотворении калмыцкого автора трактуется и шире, как все то, что мешает новой жизни, новому быту, новым отношениям, то есть данный образ несет в себе и символический смысл. Тема грязи в буквальном и символическом плане описана в отечественной и мировой литературе, в том числе и в топонимике городов и селений в этих произведениях.

Следовательно, изучив произведение Ц. Леджинова «Бальчгин туск баллад», мы убедились, что его нельзя отнести к жанру баллады ни по каким признакам. Здесь нет ни сюжета, ни балладных элементов, поэтому трудно понять, по каким критериям сам автор назвал свой текст балладой. Возможно, поэтому она не привлекла внимание переводчиков.

Иной пример представлен в случае с балладой Санжары Байдыева (1925–1993) «Башмгудин туск баллад» («Баллада о башмаках», 1967). В отличие от баллады Ц. Леджинова, по нашему мнению, здесь расхождение между оригиналом и русским переводом заключается в том, что Даниил Долинский и Виктор Стрелков нивелировали жанровые признаки баллады, превратив текст под названием «Ботинки» в гимн рабочему классу.

Приведем оригинальный текст для сравнения:

*Генткн ик гидг хар баимг
Гермүдин эрсмүд чичрүлэд харч ирв,
Өрүн зурһан часин бүрч-барчгла
Өмэрэн сүртәһәр алхмнад одва.*

*Өр йосндан цээһэд ирвэ,
Өмннь делкэ хаалһ харһва.
Күдр баимгуд уульнцин чолудиг
Кү цокмар даржс ишклдвэ.*

*Түрәнһ нүһлурарн элсн һосн
Түүнэ ардас йовад одва.
Өкәһэд, чөкр-чөкр гихэд,
Өндр давхрлгуд бас адһлдва.*

*Чирэһэн хэлэж болм дүңгэһэр
Чилм харар гилилхэж арчсн,
Омгта, тогтун ишкмтэ баимг
Одаксин ардас һарад одва.*

*Яһсн оln зүсн юмсви?
Ямаран эс йовна түүнд? —
Хуучн, шин, ик, бичкн,
Хар, цаһан, оln зүсн.*

*Дэлэжн цокгдсн һосна бийнь
Дэвдэд, уульнцин чолу шудрва...
Эндрин бийднь нарт делкэг
Эргэж ирхэр йовхиң адһлдва.*

*Күдр хар баимгин ишкдлиг
Күчнэс бэрх чидл бээхий?
Өр шарлж, Нарн һархиг
Өмнэснь хаадг чидл бээхий?! [Байдын С. 1967: 28–29].*

Русский перевод Д. Долинского и В. Стрелкова:

Я родился в степи на рассвете,
В час, когда растворяется тьма
В росной капельке, в запахе, в цвете,
Вырос я.

Мне казалось: на свете, —
По какой бы земле ни ступил, —
Не найду я прекрасней, чем эти
Голубые рассветы в степи.

Только жизнь научила мудро
Разбираться в рассветах меня...
Горожанином
вышел я в утро
До начала рабочего дня:

Было улице зябко и грустно
При едва начинавшемся дне...
Вдруг ударили гулко и грузно
Башмаки по густой тишине.

В остром запахе смазанной кожи
Шел башмак,
и другой за ним шел.
Даже стены ответили дрожью —
Так был властен их шаг и тяжел.

Вспыхнул говор шагов, будто порох,
Грянул стук двух кирзовых сапог.
Следом —
туфли на двух микропорах
Шли неслышно, как тихий зевок.

Как им всем не стоитя на месте!
Будто —
маленьким или большим —
Слить шаги на рассвете и вместе
Шар земной обойти надо им...

Дни и ночи всегда в поединке.
Мир навеки рассветами горд.
Начинают рассвет ботинки —
Шаг рабочих ботинок —
тверд.

[Байдыев 1973: 42–43].

Начнем с того, что название стихотворения С. Байдыева «Башмгудин туск баллад» ('Баллада о башмаках') отличается от названия «Ботинки», данного переводчиками, так как понятие «башмаки» включает не только ботинки, но и всякую иную обувь, что, кстати, наблюдаем и в переводном тексте (кирзовые сапоги, туфли на микропоре); Д. Долинский и В. Стрелков актуализируют же именно рабочие ботинки. Кроме того, из авторского названия

переводчики исключили жанровое определение, важное для калмыцкого поэта. У С. Байдыева это единственное обращение к заимствованному жанру, которое им подчеркивается. Отметим, что это удачное воплощение фантастического сюжета с персонажами-вещами, шагающими без владельцев по улицам предрассветного города. Таких сюжетов в калмыцкой балладе, насколько нам известно, больше не встречается.

По законам жанра байдыевская баллада начинается с сигнального наречия «вдруг» (*генткн*). В смысловом переводе: «*Вдруг огромный черный ботинок, сотрясая стены домов, появился в шесть часов утра, неясно различимый, большими шагами величественно устремился вперед*». Сравним первое отступление у переводчиков в начальной строфе: «Я родился в степи на рассвете...» [Байдыев 1973: 42]. Действие конкретизируется, локализуется, определяя лирического субъекта как степняка и горожанина. Тем самым снимаются таинственность, загадочность, неожиданность, фантасмагоричность балладного сюжета, когда вместо шествия вещи заявляется человек, авторское «я».

Во второй строфе панорама баллады расширяется: с рассветом впереди показалась дорога с множеством башмаков; тяжелые башмаки, придавливая уличные булыжники, словно ударяя по ним, шагали. Прием градации — от единичного к множеству, от огромного башмака к тяжелым башмакам — усиливает читательскую атмосферу тревоги, беспокойства, неопределенности: что это? Восстание вещей? Чем это грозит?

Автор же далее вычленяет из общего нашествия вещей поношенные сапоги, обувь на высоких каблуках, стучащую по мостовой, наклонившуюся, спешащую следом (Женские туфли? Женские сапоги?). Такая неясность в описании идущих неизвестно куда и зачем вещей придает еще больший загадочный смысл сюжету.

В четвертой строфе показан другой башмак, блестящий, начищенный черным кремом, смотрящий на себя, видимо, в отражении уличных стекол, витрин, зеркал, надменно и прочно ступающий, идущий позади всех.

Пятая строфа начинается с риторических вопросов относительно вещей. В смысловом переводе: 'Как же много их, столь разных? Кто здесь только не идет? Старые, новые, большие, маленькие, черные, белые, всякие'.

Сравни у переводчиков, снимающих тайну, загадку с сюжета. Лирический субъект заявляет, что жизнь научила его мудро разбираться в рассветах. Опережая события — шествие вещей, лирический субъект ничему не удивляется, готов всему дать объяснение, показать свое понимание происходящего, то есть сразу снижается уровень неожиданности, фантазмагоричности сюжета. Горожанин становится свидетелем шествия вещей. Прием олицетворения показана улица, которой зябко и грустно, говор шагов, неслышные, словно тихий зевок, шаги двух туфель на микропоре, стены, отвечающие дрожью на властный и тяжелый шаг башмаков.

В шестой строфе С. Байдыевым дана своего рода кульминация сюжета, пояснение обувного исхода. В смысловом переводе: 'Сегодня спешат, готовые обойти всю землю, чтоб вернуться'. Вновь возникают читательские вопросы: а зачем это надо башмакам? Чем это грозит людям, если вообще грозит? Автор пытается ответить последней строфой, с тревогой вопрошая. Смысловой перевод: 'Найдется ли сила, способная остановить шествие сильных черных башмаков?'. В перечне обуви выделены поэтом башмаки черного цвета, актуализируются их сила и символика с коннотациями зла, беды, гибели. Именно их предстоит одолеть человечеству. Заключительные две строки седьмой строфы нагнетают атмосферу опасности. В смысловом переводе: 'Светает. Перед тем, как солнце взойдет, найдется ли сила, способная закрыть его?'. Грозная опасность подчеркивается написанием с заглавной буквы существительного «Нарн» ('Солнце'), тем самым заявлен глобальный масштаб катастрофы для человечества.

Сравним концовку баллады в переводе Д. Долинского и В. Стрелкова, где констатируется, что будто бы обуви надо обойти весь земной шар. Заканчивается баллада на философской ноте, напоминанием о том, что дни и ночи всегда в поединке, но побеждает навеки рассвет. И эта победа для переводчиков определяется

твердой поступью рабочих ботинок: ‘Начинают рассвет ботинки — / шаг рабочих ботинок — / тверд’ [Байдыев 1973: 43], то есть концовка баллады вступает в противоречие с ее началом: там нигде нет определения ботинок, принадлежащих именно рабочим. Такое смысловое изменение приводит к искажению переводчиками авторского замысла в реализации балладного сюжета, близкого романтической европейской и русской балладе коллизиями тайны, загадки, страха, предчувствия опасности.

В байдыевской балладе нет диалога, но его функцию принимают на себя риторические вопросы, возникающие к концу стихотворения. Их риторический характер, не требующий сиюминутного ответа, усиливает прогностический посыл поэта, призывающего читателей задуматься над судьбами мира. Это действительно философская основа баллады калмыцкого автора, воплощенная в системе персонажей-вещей, причем одушевленных, на фоне безлюдного города. Где все жители? Спят? Спрятались? Покинули свои дома? Видят ли они то, что происходит на улицах их города?

Сюжетная коллизия баллады калмыцкого поэта отсылает к известным сказкам, в которых сюжетную функцию определяют те или иные представители обувного мира, например, в сказке Г. Х. Андерсена «Красные башмаки», в «бродячем сюжете» западноевропейской «Золушки».

Баллада Санжары Байдыева структурирована 7 строфами-четверостишиями с парной анафорой (например, *Генткн.../ Гермүдин.../ Өрүн.../ Өмэрэн...*), аллитерацией, со свободной рифмовкой, мужской рифмой, звукоподражанием (*чөкр-чөкр*), олицетворением (*чирдэһэн халэжэ*), сравнением (*ку цокмар*), риторическими фигурами (*Күдр хар баимгин ишкдиг / Күчнэс бэрх чидл бээхий? / Өр шарлэж, Нарн нархиг / Өмнэнь хаадг чидл бээхий?!).*

Подводя итоги, отметим, что баллада Церена Леджинова «Бальчгин туск баллад» (‘Баллада о грязи’, 1941), как выяснилось, не отвечает заявленному автором жанру баллады ни по содержанию, ни по структуре. Не переведена она на русский язык ни в свое время, ни позднее. Из-за преждевременного ухода поэта из жизни в 1942 г. это произведение осталось единственным, пусть

и неудачным, обращением его к балладному жанру. Сама по себе тема грязи могла стать интересным сюжетом для баллады калмыцкого поэта, если бы была решена в ином ключе.

Баллада Санжары Байдыева «Башмгудин туск баллад» («Баллада о башмаках», 1967), как мы убедились, соответствует избранному жанру, отличается динамичным сюжетом, фантастическим компонентом (шествие вещей), загадочными и таинственными коллизиями (куда и зачем идут эти вещи в безлюдном городе), атмосферой недосказанности, тревоги, опасности, усиленной риторическими вопросами в конце стихотворения: есть ли сила, способная остановить шествие вещей, которые могут воспрепятствовать восходу Солнца.

Это единственная в калмыцкой поэзии баллада, близкая романтической европейской и русской балладе по своему контексту, отсылающая к «бродячим сюжетам» о функции обуви в фольклорных сюжетах («Красные башмаки», «Золушка» и др.).

К сожалению, авторский замысел не был воплощен адекватным способом в русском переводе Д. Долинского и В. Стрелкова несмотря на то, что перевод был осуществлен при жизни калмыцкого поэта. Здесь тоже возникают вопросы, почему так случилось? Известно, что русские переводы осуществлялись обычно на основе авторского подстрочника, переводчики, как правило, согласовывали с автором свой текст, редактируя, уточняя его. Значит ли это, что автором или тем, кому был поручен, сделан неудачный подстрочник, который был использован переводчиками, или переводчики на свой лад переделали произведение, заручившись согласием автора. Ведь изменения начинаются уже с заглавия: вместо «Баллада о башмаках» — нейтральные «Ботинки»; вместо шествия вещей без людей — присутствие рассказчика, наблюдавшего за тем, что происходит; вместо обобщенной картины — локализация, подтвержденная портретом рассказчика, родом из степей, а ныне горожанина; вместо множества различных башмаков — доминирование рабочих ботинок; вместо сюжета-предостережения — оптимизм социалистического реализма в действии («Мир навеки рассветами горд. <...> Шаг

рабочих ботинок — / тверд’); авторский фантастический сюжет, таким образом, благодаря переводчикам перерастает в гимн рабочему классу.

Несмотря на ряд указанных недочетов в русском переводе, эта баллада С. Байдыева в своем оригинальном воплощении является одной из интересных по содержанию баллад в калмыцкой поэзии прошлого столетия. Ее экспериментальная природа очевидна, как очевидна и авторская удача, к сожалению, не подкрепленная калмыцким поэтом в дальнейшем: это, насколько известно, его единичное обращение к жанру баллады.

Литература

- Бадмин А. 1990 — *Бадмин А.* Шинрсн теегин дуучин негнь // Леежнэ Ц. Үүнд би төрлэв: шүлгүд, поэм, орчуллһс. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1990. X. 5–22.
- Байдыев 1973 — *Байдыев С.* Ботинки // Байдыев С. Белые кони: стихи и поэмы / пер. с калм. М.: Сов. Россия, 1973. С. 42–43.
- Байдын С. 1967 — *Байдын С.* Башмгудин туск баллад // Байдын С. Цецгэсиг серүлсн өрүн: шүлгүд болн поэм. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1967. X. 28–29.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- Леджинов 1964 — *Леджинов Ц. О.* Песня двух времен: стихи и поэма / пер. с калм. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1964. 102 с.
- Леежнэ Ц. 1990 — *Леежнэ Ц.* Бальчгин туск баллад // Леежнэ Ц. Үүнд би төрлэв: шүлгүд, поэм, орчуллһс. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1990. X. 123–126.
- Маяковский 1987 — *Маяковский В. В.* Сочинения в двух томах. Т. 1. М.: Правда, 1987. 768 с.
- Ханинова 2019а — *Ханинова Р. М.* Баллада о войне в калмыцкой лирике XX в. // Новый филологический вестник. 2019. № 1. С. 194–206.
- Ханинова 2015 — *Ханинова Р. М.* «Баллада о жалости» Михаила Хонинова в аспекте фольклорных традиций // XII Сургучевские чтения: «Литература и журналистика в пламени войны: от Первой мировой до Великой Победы»: сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции / под ред. А. А. Фокина, О. И. Лепилкиной. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. С. 118–124.

- Ханинова 2019b — *Ханинова Р. М.* Поэтика баллады в калмыцкой поэзии XX в. (Д. Кугультинов, М. Хонинов) // *Oriental Studies*. 2019. № 2. С. 320–333.
- Эльдшэ Э. 2007 — *Эльдшэ Э.* Маринеско // *Эльдшэ Э. Хойр ботьга уудэврмүдин хураңһу*. 1- гч боть. Элст: Жаңһр, 2007. X. 291–298.
- Эльдышев 2006 — *Эльдышев Э.* Маринеско // *Эльдышев Э. А. Мудрое дерево: стихотворения и поэмы*. Элиста: АПП «Джангар», 2006. С. 161–163.